

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДЕ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ ИЗ АФГАНИСТАНА В БЕЛАРУСИ

Степан Стурейко

Практически единственным способом коррекции и направления процессов аккультурации вынужденных мигрантов является реализация различного рода социальных программ, программ материальной помощи, психологической адаптации и т. д. Однако при их осуществлении всегда возникает проблема адекватности проводимых мероприятий реально существующим личностным качествам мигрантов. Исследователи, пытающиеся разрешить эту проблему, сталкиваются с неадекватностью исследовательских методик базовым культурным нормам изучаемых групп, а также с наличием элементарных коммуникационных барьеров, связанных с незнанием мигрантами языка принимающего государства. В каждой дисциплине эти противоречия решаются по-разному. Как показывает практика, сообщество мигрантов может представляться своеобразным «черным ящиком»: можно направлять на них исследовательские и материальные усилия, можно контролировать соответствие достигнутых результатов заранее выработанным обобщенным критериям эффективности реализуемых программ, однако исследователи далеко не всегда осознают, какие глубинные процессы протекают внутри самого этнического сообщества (особенно если оно так закрыто) и как будет протекать его развитие в средне- и долгосрочной перспективе. Именно тут на помощь могут прийти достижения теоретической этнологии.

Одним из базовых элементов личностной структуры мигранта, в том числе определяющих стратегии жизнеобеспечения, является его этническая идентичность. Этническая идентичность определяет базовые ценности мигрантов, их уровень восприятия иноэтнических культурных институтов, способность к адаптации, в немалой степени влияет на политические взгляды и воспроизведение культурных норм и традиций.

Цель статьи: определить тенденции трансформации современной этнической идентичности вынужденных мигрантов из Афганистана в Беларуси.

Задачи: 1) выяснить, какие факторы влияют на трансформацию этнической идентичности, 2) как протекает этот процесс, 3) к каким результатам приводит.

К настоящему времени в этнологии сложился целый блок литературы, посвященной изучению этноидентичности (этнического самосознания). Среди наиболее значимых работ западных авторов необходимо выделить исследования А. Аппадурай [21], Ф. Барта [20; 23], Ж. Девосса [22], Р. Дженкинса [24], А. Ройса [26]. В этих работах основной упор делается на конструктивистский аспект этнической идентичности, а также на исследование ее роли в межкультурном взаимодействии. Обстоятельный обзор около 400 работ американской историографии по этнической проблематике, в том числе и по этнической идентичности, о взаимоотношениях внутри этногрупп, о меньшинствах и доминантных группах дан в книге Т. В. Таболиной [17].

В трудах современных российских авторов, таких как С. А. Арутюнов [2], О. Ю. Гусева [3], Л. М. Дробижина [4], Г. У. Солдатова [15], В. А. Тишков [18; 19], используются междисциплинарные подходы, выявляются субъективные факторы формирования этноидентичности. Следует отметить, что большинство исследований российских авторов (за исключением В. А. Тишкова) построены на изучении стабильных и стационарных групп и не учитывают специфику сообществ мигрантов.

В Беларуси данной проблематикой в контексте этногенеза белорусов занимался этнолог М. Ф. Пилипенко [12], однако большинство белорусских исследователей (такие авторы, как В. Акудович [1], Г. Я. Миненков [11] и др.) разрабатывают проблемы идентичности в русле философской антропологии.

Теоретической базой статьи служат также такие разработки российских и западных этнологов, как: влияние меж- и внутриэтнического конфликта на трансформацию этнической идентичности (С. В. Лурье [7], В. А. Тишков [18]); взаимодействие материнского этноса и диаспоры (В. Д. Попков [13]); глобальные этнические процессы современности (М. Кайзер, О. Бредникова [5]).

Эмпирической базой этнологического исследования послужили такие материалы работы как интервьюирование и анкетирование афганских

Автор:

Стурейко Степан Андреевич — аспирант кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Семенчук Геннадий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии факультета истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Захаркевич Степан Артурович — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета

мигрантов, интервьюирование представителей принимающего общества, вовлеченных в постоянные контакты с афганскими мигрантами.

Сначала необходимо ответить на два принципиальных вопроса: 1) в каком смысле уместно говорить об обобщенной этнической идентичности; 2) что входит в понятие этнической идентичности?

По мнению американских исследователей Э. Шилза и С. Айзенштадта, каждое этническое сообщество имеет в своей структуре «центральную зону». Она по-разному представляется тем, кто существует в данной экологической нише и является членом данного общества. Но, тем не менее, членство в обществе в большей мере детерминируется отношением к этой центральной зоне, чем экологическими границами данного общества и его адаптивными свойствами. Центр, или центральная зона — это как бы в свернутом виде ценности и верования данного общества. Именно центр упорядочивает символы, ценности и верования. И центром он является потому, что он предельно, нередуцируем. Он представляет собой структуру активности (деятельности), ролей и институций, внутри некоего каркаса последних. Это те роли и верования, которые являются для данного общества основными. По мнению Э. Шилза, каждый «центр» имеет свои авторитеты, так называемую элиту, которая может быть представлена как одним человеком, так и группой людей. Те решения, которые принимались элитами, входят как составные части в некую общую совокупность суждений, действий и ценностей, подверженную неким единым стандартам, для которых система как целое, т. е. общество, является как бы предпосылкой. Ценности, которые находят свое выражение в этих стандартах и которые, в большей или меньшей степени, обуславливают эти авторитеты, мы будем называть центральной ценностной системой общества. Такая система отвечает потребности людей в причастности к чему-то трансцендентному. Это достигается, в частности, и через то, что центральная зона является источником символов, а также задает способ их упорядочивания. Соприкасаясь с центральной зоной культуры, индивиды соприкасаются с чем-то более значимым и менее конечным, чем их повседневная жизнь [см.: 8].

По мнению автора, уместно как раз говорить о соответствии центральной ценностной системы коллективной идентичности. В случае с афганскими мигрантами в нее однозначно входят такие институты, как: традиционные семейные и политические взаимоотношения; представления о кросс-этничности афганцев (т. е. об афганском народе как совокупности всех этнических групп) при достаточно жесткой этнической структуре внутри сообщества; стратегии жизнеобеспечения и взаимоотношений с населением принимающего государства.

Всего в Беларуси на 1 июня 2010 г. статус беженцев получили 577 человек из Афганистана [14]. Многие афганцы, прибывшие в Беларусь

еще во времена СССР, не имеют статуса беженцев (живут, имея вид на жительство либо получили белорусское гражданство). Центральная зона культуры белорусских афганцев, коллективная идентичность репрезентируется группой старейшин афганской общины. 12 беженцев, живущих в Минске, старше 60 лет — согласно афганским обычаям, это весьма авторитетные люди, к мнению которых принято прислушиваться в обязательном порядке. Более 60 % афганских беженцев в Минске старше 18 лет [25]. Значительная часть афганцев, проживающих сейчас в Минске, являются бывшими жителями Афганистана, а потому их общий коммуникационный код, их система ценностей в значительной мере унифицированы.

К **первому** фактору трансформации этнической идентичности можно отнести экспресс-модернизацию внутриафганской жизни. В самом деле, афганское общество, в состав которого входят более 40 этнических групп, вплоть до середины XX в. оставалось глубоко традиционным. Начиная со второй половины XX в. городская культура Афганистана постепенно начала модернизироваться. Возник глубокий разрыв между городом и деревней, который привел к ряду внутренних конфликтов. Иллюстрацией дисфункционального внутриафганского конфликта служит популярность радикального исламского движения Талибан.

Концепции аккультурации (восприятия новых культурных моделей), по мнению американских исследователей Л. Пая и Л. Деспрэ неразрывно связаны с теорией модернизации. Л. Пай, утверждал, что процессы модернизации оказываются «бесконечно более сложными, чем предполагают существующие подходы». По его убеждению, в некоторых случаях вынужденная модернизация вместо того, чтобы приводить к общественному прогрессу, «может вызывать широкий спектр очень глубоких разрушительных реакций, грозящих нарушением идентичности индивидов», препятствующим «их способности к их человеческим и политическим отношениям», «парализующим активность» [см.: 8].

Ко **второму** фактору трансформации этнической идентичности афганцев относится влияние этнополитического конфликта. Исследования показывают, что для афганцев свойственна интериоризация конфликта как следствие взаимодействия различных этнических картин мира. В силу своего возраста наиболее активная и влиятельная часть белорусских афганцев являлась, как минимум, объектом воздействия этнополитического конфликта, уже не говоря о том, что многие в силу жизненных обстоятельств стали его субъектами. Предшествующие исследования автора, касающиеся аккультурации афганских беженцев в Пакистане, в странах Западной и Восточной Европы, показали, что этнополитический конфликт определяет:

— наличие остаточного этнического напряжения в социальной сфере;

- характер экономической и соционормативной интеграции, ее скорость;
- последовательность трансформации духовной и бытовой сфер жизни беженцев, скорость трансформации их идентичности;
- формирование установок на репатриацию;
- эмоциональное и материальное отношение к беженцам со стороны принимающего общества, его институтов.

На наличие дисфункционального внутриэтнического конфликта указывает и наличие двух афганских общин в Минске с аналогичными функциями, организационный костяк которых составляют пуштуны.

Интенсивность всех этих факторов детерминирована степенью близости этносоциальной среды убежища к исходной, традиционной или конфликтообразующей среде [16, с. 236–245].

В случае с Беларусью культурный разрыв между мигрантами и принимающим обществом очень силен. Это — **третий** фактор трансформации этнической самоидентификации. Каждый раз по прибытии нового афганца в Беларусь принимающая община в обязательном порядке проводит с ним своеобразный «инструктаж».

По свидетельству одного из представителей афганского сообщества в Беларуси (мужчина-афганец, 48 лет): *«Надо сразу объяснить все. Иногда бывает я сам объясняю, когда афганцы ко мне приезжают. Во-первых, элементарные вещи: правила дорожного движения. В Афганистане многое не соблюдается. Есть пешеходный переход, нет перехода — не важно. А в Беларуси есть опасность получить штраф за переход в неподобающем месте. Если в день несколько раз по одной минималке заплатишь, посчитай. Иногда надо объяснить элементарные вещи»* [10].

Одна из сотрудниц белорусской организации, работающей с афганскими мигрантами (женщина, около 50 лет), охарактеризовала афганцев так: *«Главное, что я поняла за много лет общения с ними, — это совсем другие люди с другой культурой»* [10].

По мнению российского культурного антрополога С. В. Лурье, при взаимодействии с внешней враждебной средой реальность уже не укладывается в принятую этнической группой картину мира. Традиционное сознание этноса лишается необходимых адаптивных свойств и начинает распадаться. Точнее было бы сказать, начинает распадаться совокупность картин мира внутриэтнических групп, на основе которых происходит функциональное взаимодействие между ними. Этнос сохраняет лишь заложенные в его бессознательном этнические константы, однако их новый трансфер затруднен. В рамках данной этнической культуры в этот период отсутствует рационализированный, адаптированный образ мира. Однако необходимые для формирования устойчивой картины мира трансферы затруднены, поскольку степень конфликтности этноса с окружающим миром такова, что на реальность, кажется, невозможно наложить проекцию «цен-

тральной зоны» культуры этноса (систему этнических констант) и тем самым адаптировать и сбалансировать ее, установить привычную диспозицию и соотношение сил между «источником добра» и «источником зла». Для того чтобы сохранить свою идентичность, этнос должен найти приемлемый вариант трансфера, а для этого он должен кристаллизовать вокруг своих этнических констант совершенно новую картину мира, не имеющую аналогов в его прошлом и связанную с прошлым не посредством нитей обычной традиционной преемственности, а только лишь вследствие неизменности самой «центральной зоны» его этнической культуры. Это означает существенную реорганизацию всей жизни этноса. Будучи не в силах изменить мир так, чтобы иметь возможность спроецировать на него свою «центральную зону», этнос меняет себя (свою внутреннюю организацию), принципы своей организации, посредством чего и устанавливает необходимый баланс [9].

Исследование афганской диаспоры показывает, что афганские мигранты реализуют как консервативный, так и креативный пути трансформации. Консервативный путь заключается в создании такой внутриэтнической организации, которая ставила бы между этносом и миром дополнительные заслоны, позволяющие большей части его членов вообще почти игнорировать изменения условий своего исторического существования. К таким «предохранительным» институтам относится укрепление семейных традиций. Афганцами даже для детей беженцев признается нежелательным заключение браков с белорусами, особенно строго это касается девочек-афганок. Для заключения браков активизируются не только внутриобщинные, но и транснациональные связи, когда родители договариваются о браках детей-афганцев, проживающих в различных странах (причем предпочтительно с афганцами из стран Западной Европы). Кроме того, в Минске на рынке «Ак-вабел» фиксируются признаки этнической экономики (ввиду простоты коммуникации в среде афганцев). Развитая система общественных организаций (две афганские общественные организации — Международная благотворительная общественная организация «Афганская община», Международное общественное объединение «Афганская община, землячество и беженцы», Центр творчества детей и молодежи «Эврика», издание афганского журнала «Садай Афган») обеспечивает консервацию и самовоспроизведение традиционных афганских этнических институтов. Все эти явления формируются на основе особой структуры пластов внутриэтнической традиции.

Второй путь трансформации — креативный — связан с изменением «образа мы» и вылился в создание особой общественной институции, контролирующей процесс культурного трансфера. Слой общества, на который возлагается вся тяжесть внешних контактов, создает

собственный вариант модификации этнической традиции — афганскую общину. Афганские общины в Минске представляют собой нечто большее, нежели просто досуговые или коммуникационные центры. Это фактически институты управления жизнью диаспоры, обеспечивающие ее автономию от внешней иноэтнической среды: **«Что решают на джиргах (традиционный совет старейшин)?** — Допустим, возник мелкий конфликт. Чтобы не дошло до уголовного дела или административного, обсуждаем это на собрании. Чтобы в будущем это не повторялось, можно штраф наложить на того, кто виноват.

Кому платится штраф и куда идут деньги? — Общине, на джиргу. Но это не такие большие деньги. Можно накрыть большой стол для гостей. Вот, допустим, Вы виноваты остались, значит в следующий раз Вы накрываете стол, приглашаете всех. Все старое забыто, но это обязательно следует сделать. Ну и никто не может отказаться. Как это, ты же не настоящий афганец тогда.

Может ли быть так, что если пуштун с хазарейцем не поладят в чем-то, то пуштуны за своего заступаются? — Бывает такое. Но все решается мирно, в общине.

А как происходит обсуждение этих дел на джирге? — Мы уважаем друг друга. Если даже меня не знают афганцы, но если они дерутся и если я слово сказал, они это слышат и моментально прекращаются. Было недавно, что ребята дрались между собой. На следующий день уже помирились, попросили друг у друга прощения. Хотя оба были таджики, но помирили их пуштуны, потому что нельзя так поступать. Все ситуации решаются большинством голосов» (мужчина-афганец, 51 год) [10].

Как видно (и на это указывают другие интервью), основной формой решения внутриобщинных проблем выступает джирга — пуштунское собрание (в Беларуси это проявляется в стремлении вести собрание на пушту). В ситуации миграции джирга обретает межэтнический характер (большой процент постоянных членов собраний и руководства общиной — таджики). Кроме того, в отличие от Афганистана, в Беларуси джирга не наделена никаким законодательным статусом, не является правомочным местом решения экономических и личностных конфликтов. Члены джирги не обладают никакой властью помимо собственного авторитета.

Четвертым фактором трансформации этнического самосознания афганских мигрантов можно назвать участие в жизни диаспоры, диаспоральную субкультуру. Анализ показывает, что афганцы в Беларуси обладают базовыми характеристиками классической диаспоры. Если совместить методологические подходы исследователей У. Сафрана и А. Ашкенази [см.: 13, с. 14–18], можно доказать наличие шести ее особенностей из девяти, выделяемых исследователями:

1) рассеивание из единого центра в несколько иностранных регионов. Компактное (или небольшими группами) перемещение. Возможность смены страны, общины. Многие белорусские афганцы мигрируют в страны Западной Европы, где благодаря местным этническим общинам их адаптация проходит сравнительно легко;

2) коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация (географическое положение страны, история, достижения). Наиболее типичное высказывание про Афганистан: **«Наша история длится 5000 лет. Это одна из важнейших составляющих... Мы народ гостеприимный, со своими корнями. В течение истории много всяких моментов было: воевали англичане, арабы. После этого соседи — Индия, Иран напали, оттуда англичане. Никто не покорил. От этого гордость»** (мужчина-афганец, 48 лет) [10];

3) ощущение чужеродности в принимающем обществе. Члены общины считают, что никогда не смогут быть полностью принятыми;

4) помощь исторической родине. Многие афганцы, живущие в Беларуси, посылают на родину деньги, стремятся наладить международный бизнес;

5) сохраняющаяся идентификация с родной, базирующееся на этом чувство групповой сплоченности: **«Я Вам случай приведу: был в Германии. На вокзале не было у меня евро, только доллары. По-немецки я не мог разговаривать. Подхожу к таксисту, смотрю, что не европейская внешность. Я по-английски спросил, откуда он. Оказалось, что афганец. Сразу он доброжелательный стал и без всяких вопросов мне начал помогать. У пуштунов такой характер, что из какого бы племени не был, пуштун считает своим долгом помогать. Вот это особенность характера нации»** (мужчина-афганец, 51 год) [10];

6) возникновение и функционирование различного рода сетей коммуникации мигрантов. Наличие интуитивного коммуникативного кода (цельность культурного коммуникативного кода с собственной символикой, одинаково читающейся всеми членами группы): **«Можно ли сказать, что через своих друзей Вы можете добраться до любого афганца в Минске? Вы же не всех тут знаете?** — Не всех знаю, но я ни кого не прошу, я сам всегда обращаюсь. Через кого-нибудь найду.

А в Москве? — В Москве конечно сложно, потому что Москва — большой город и там очень много живет афганцев — больше 100 тысяч. Но если кто-то там нужен, то, конечно, найду. По-другому никак. И даже в Берлине. У меня много родственников в Гамбурге, Франкфурте. Братья, сестры. У меня вообще родственников много — в любой стране: Норвегия, Швейцария, Англия, Франция, Дания.

Как распространить среди афганцев полезную информацию? — Очень быстро. Допустим я откуда вышел, позвонил знакомому афганцу, он позвонил другому, сказал, что то и то

надо. Но 800 человек все вместе не общаются, конечно, потому что в разных городах живут» (мужчина-афганец, 51 год) [10].

Однако, несмотря на то, что далеко не все мигранты даже на декларативном уровне заявляют о необходимости и возможности возвращения на родину, по мнению С. В. Лурье, в любом случае их аккультурационные сценарии разыгрываются на материале единой этнической культурной темы, что обеспечивает изначально неуловимое для внешнего наблюдателя глубинное единство как различных групп внутри этноса, так и диаспоры со своей исторической родиной. В этом смысле даже забывание родного языка, обычаев и традиционных форм поведения, даже сознательная самоидентификация в качестве граждан Франции, США или Бразилии — все, что обычно рассматривается как показатель процесса полной ассимиляции, является относительно малозначимыми факторами. Процесс оказывается обратимым даже через несколько поколений, если сохраняется функциональный внутриэтнический конфликт, который всегда может стать стержнем интегральных процессов в этносе. Когда сохраняется бессознательное представление о характерном для данного этноса способе активности человека в мире, совершенно безразлично, на каком языке тот или иной член этноса говорит. Хочет он того или нет, он участвует во внутриэтническом процессе [6].

Пятым фактором трансформации этнической идентичности афганцев является участие в транснациональных отношениях. По мнению российского этнолога В. Попкова, в функционировании диаспоры всегда можно проследить треугольник: страна исхода — страна поселения — диаспора. Этот треугольник определяет, во-первых, транснациональность любой диаспоры, заключающуюся в разобщенности и поддержании связей на коммуникативном и экономическом уровнях между членами разобщенных семей, участие в транснациональной сети связей (так называемые пять «Т»: трансферты, торговля, транспорт, телекоммуникации, туризм), участие в транснациональных сообществах (международные благотворительные организации, международные национальные конгрессы и т. д.); во-вторых, соотношение национальной (базовой), узловой (обусловленной местом пребывания) и общинной идентичности. Мигрант всегда имеет двойную—тройную (множественную) идентичность, которая, более того, подвержена непрерывной трансформации. Одновременных сообществ мигрантов в рамках одной диаспоры не существует (сравните сообщества афганцев-пуштунов в Пакистане, России, Западной Европе) [см.: 13].

Для полноты картины необходимо добавить, что сами мигранты говорят о наличии различных групп внутри собственного достаточно замкнутого сообщества: *«Можно ли среди афганцев выделить социальную структуру? — Во-первых, слава Богу, большинство приехавших*

сюда афганцев с образованием. Если не с высшим, то со средним или хотя бы школу закончили... В Афганистане бедные и богатые отличаются больше, чем в Беларуси. Здесь же 70 лет управлял коммунизм, общество почти стало равным. А у нас нет. У нас сразу определяешь по одежде, по внешности, по местопроживанию в Афганистане. Сильно отличаются там.

Но и здесь немного отличаются. Потому что те афганцы, которые на учебу приехали, — это одна категория людей. А есть просто мигранты, среди которых сапожник, пастух, водитель. Я скажу, что в Лондоне там все такие беженцы, а в Беларуси у нас все образованные, с высшим образованием. Все изучают культуру Беларуси, русский язык. Поэтому они более культурные в общении между собой и с местными людьми. Они придают больше значения культуре, чем белорусы.

А Вы можете отличить такого человека сразу же? — Я по разговору могу отличить, когда он со мной 5 минут разговаривает.

Объединяются ли афганцы из Кабула, из Герата в свои отдельные компании? — Да, есть такое. Компания гератцев. Мы сами шутим с ними. Ты с Герата, ты с Кандагара, ты такой-то. Разные есть анекдоты» (афганец-мужчина, 48 лет) [10].

Тем не менее, никому из афганцев не были известны случаи, когда бы их соотечественники жили изолированно от общины, не выходили бы на контакт. Наоборот, исключение из сети этнической коммуникации рассматривается в качестве наказания: *«Сплетничать, воровать, ругаться матом — это у нас запрещается. Может и есть такие люди, но их единицы. Если случится такое, то все, ребята, прекращайте общаться с таким. Привет, до свидания и все, больше ничего. И с бизнесом тогда все прекращается рано или поздно. Он это принимает и либо исправляет свою ошибку, либо остается так со своими проблемами отдельно, потому что он потом не может ни к кому обратиться» (афганец-мужчина, 48 лет) [10].*

При определении структуры современной этнической идентичности вынужденных мигрантов из Афганистана в Беларуси необходимо исходить из того, что все приведенные 5 факторов в силу особенностей жизненного пути и психологических качеств воздействуют на мигрантов неодинаково. Тем не менее, структуру этнической идентичности современной активной части афганских мигрантов в Беларуси можно определить (в соответствии с данной в статье нумерацией) как 12345.

В недалеком будущем, когда естественным образом произойдет смена активных поколений, структура этнической идентичности будет выглядеть как 345, что означает, с одной стороны, сильное отдаление от оригинальной (базовой) коллективной афганской идентичности. Произойдет окончательное укрепление локальной субкультуры белорусских афганцев. С другой стороны, поскольку факторы 4 и 5 ориентирова-

ны на глобальные транснациональные процессы, белорусские афганцы продолжают быть активными участниками афганской диаспоры и не утрачивают собственной этнической идентичности. Со временем фактор 3 вследствие естественных интеграционных процессов вообще отпадает, однако афганцы все равно не утрачивают своей этнической идентичности и неудивительно, если мы будем свидетелями процесса этнической мобилизации под воздействием тех или иных исторических событий в самом Афганистане.

Это происходит в виду ослабления ассимиляционного потенциала белорусского общества (как, впрочем, и любого другого) под воздей-

ствием современных глобализационных процессов (упрощение и интенсификация транснациональных коммуникаций). Этническая идентичность мигрантов сначала унифицируется до определенного уровня, но далее не редуцируется до растворения в принимающем обществе. Так, парадоксальным образом получается, что глобализация в случае с диаспорами не столько ослабляет этническую идентичность, сколько поддерживает ее. В этом смысле продолжение изучения афганской диаспоры может способствовать более глубокому пониманию современных этнических процессов и даже прогнозированию их результатов.

Литература

1. Акудович, В. Код отсутствия / В. Акудович, Вильнюс: Мин-во иностранных дел Литовской Респ., 2008.
2. Арутюнов, С. А. Культурная антропология / С. А. Арутюнов, С. И. Рыжакова. М.: Весь мир, 2004.
3. Гусева, О. Ю. Особенности развития этнической идентичности в процессе межкультурного взаимодействия и в ситуации моноэтнической среды / О. Ю. Гусева // Журн. прикладной психологии. 2003. № 6. С. 38–43.
4. Дробижина, Л. М. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л. М. Дробижина. М.: Academia, 2002.
5. Кайзер, М. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) / М. Кайзер, О. Бредникова // Миграция и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. С. 133–146.
6. Лурье, С. В. Взаимодействие этноса и его диаспоры / С. В. Лурье [Электронный ресурс] // Этнопсихология. Режим доступа: <<http://svlourie.narod.ru/hist-ethnology/18.htm>>. Дата доступа: 29.11.2009.
7. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. М.: Аспект Пресс, 1997.
8. Лурье, С. В. Культурная традиция и этнос / С. В. Лурье [Электронный ресурс] // Этнопсихология. Режим доступа: <<http://svlourie.narod.ru/hist-ethnology/7.htm>>. Дата доступа: 29.11.2009.
9. Лурье, С. В. Понятие спонтанного самоструктурирования этноса / С. В. Лурье [Электронный ресурс] // Этнопсихология. Режим доступа: <<http://svlourie.narod.ru/hist-ethnology/15.htm>>. Дата доступа: 29.11.2009.
10. Материалы исследований по теме «Этнические группы Афганистана в Беларуси (конец XX — начало XXI вв.)» // Текущий архив кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белгосуниверситета.
11. Миненков, Г. Я. Концепт идентичности: перспективы определения / Г. Я. Миненков [Электронный ресурс] // Сайт белорусского интеллектуального сообщества. Режим доступа: <<http://belintellectuals.eu/publications/174>>. Дата доступа: 25.04.2010.
12. Пилипенко, М. Ф. Возникновение Белоруссии / М. Ф. Пилипенко. Минск: Беларусь, 1991.
13. Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор / В. Д. Попков. М.: ИС РАН, 2003.
14. Решения, принятые Департаментом по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь (по состоянию на 1 июня 2010 г.), включая несовершеннолетних детей [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». Режим доступа: <http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1679&Itemid=229>. Дата доступа: 20.06.2010.
15. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. М.: Смысл, 1998.
16. Стурейко, С. А. Афганистан: этнополитический конфликт и проблема перемещенных лиц / С. А. Стурейко, В. И. Медяник. Минск: Тесей, 2009.
17. Таболина, Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций / Т. В. Таболина; отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1985.
18. Тишков, В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны) / В. А. Тишков. М.: Наука, 2001.
19. Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. М.: Наука, 2003.
20. Этнические группы и социальные границы / под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во, 2006.
21. Appadurai, A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
22. De Vos, G. Ethnic Identity. Creation, Conflict, and Accommodation / G. De Vos, L. Romanucci-Ross. London: AltaMira Press, 1995.
23. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences / ed. F. Barth. Bergen: Universitetsforlaget; London: Allen & Unwin, 1969.
24. Jenkins, R. Social Identity / R. Jenkins. London: Routledge, 1996.
25. Refugees and others of concern to UNHCR // Текущий архив Представительства УВКБ ООН в Республике Беларусь.
26. Royce, A. P. Ethnic Identity: Strategies of Diversity / A. P. Royce. Bloomington: Indiana University Press, 1982.

«Проблема изучения трансформации этнической идентичности в среде вынужденных мигрантов из Афганистана в Беларуси» (Степан Стурейко)

В статье на основе проведенной работы в среде афганских мигрантов автор выясняет особенности формирования этнической идентичности афганцев в Беларуси. Предметом исследования стало выяснение факторов трансформации этноидентичности под воздействием доминирующего принимающего общества, а также под влиянием глобализации и формирования транснациональных связей. Теоретические положения статьи подкреплены выдержками из исследовательских интервью.

При определении структуры современной этнической идентичности вынужденных мигрантов из Афганистана в Беларуси необходимо исходить из того, что приведенные факторы трансформации (экспресс-модернизация, влияние этнополитического конфликта, культурный разрыв с принимающим обществом, диаспоральная субкультура, транснациональные отношения) в силу особенностей жизненного пути и психологических качеств воздействуют на мигрантов неодинаково. Как результат, этническая идентичность мигрантов сначала унифицируется до определенного уровня, но далее не редуцируется до растворения в принимающем обществе.

«The Problem of Research of the Transformation of Ethnic Identity in the Afghan Forced Migrants Community in Belarus» (Stepan Stureika)

The author sums up in the given article the characteristics of ethnic identity formation among the Afghan migrants in Belarus. The research was done on the basis of field work in the migrants' community. The subject of the article is a complex of factors for the ethnic identity' transformation under the strong influence of the dominant host society as well as of globalization and transnational networks. Theoretical statements of the article are supported by the quotations from the research interviews.

While discussing the structure of modern ethnic identity of the Afghan forced migrants in Belarus it is necessary to keep in mind that the given transformational factors (such as express-modernization, influence of ethno-political conflict, cultural distance from the host society, diasporal subculture, transnational relations etc.) have different degrees of influence. Migrants have different life-stories as well as psychology. One of the conclusions of the article is that the ethnic identity of migrants is at first unified till some specific level but then it is not reduced to dissolution within the host society.

Статья поступила в редакцию в апреле 2010 г.